

Взаимосвязь совладающего поведения и посттравматического роста (на примере жертв дорожно-транспортных происшествий)

И.Р. Абитов, И.В. Краснова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия
ildar-abitov@yandex.ru
inna.7719@mail.ru

Статья посвящена исследованию взаимосвязи между такими компонентами совладающего поведения, как копинг-стратегии и антиципационная состоятельность с характеристиками посттравматического роста. В исследовании приняли участие 34 респондента в возрасте от 20 до 40 лет, переживших потенциально опасное для жизни и здоровья ДТП. Нами использовались «Опросник посттравматического роста»; «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях»; краткая версия «Теста антиципационной состоятельности». Обнаружены обратные взаимосвязи между показателями посттравматического роста («отношение к другим»; «духовные изменения»), пространственной составляющей антиципационной состоятельности и ее общим показателем. Статистически значимых взаимосвязей между стратегиями совладания со стрессом и показателями посттравматического роста не обнаружено.

Ключевые слова: посттравматический рост, совладание со стрессом, антиципационная состоятельность, дорожно-транспортные происшествия

На сегодняшний день подобное одностороннее рассмотрение последствий психической травматизации является недостаточным и не позволяет в полной мере объяснить весь спектр возможных изменений в результате психотравмирующего воздействия. Так, исследования показывают, что не все лица, пострадавшие в результате определенного психотравмирующего события, выявляют признаки каких-либо нарушений психической деятельности. Более того, имеются данные, свидетельствующие о том, что для некоторых лиц травматический опыт может стать «трамплином» для позитивных личностных изменений. Это обуславливает необходимость рассмотрения психотравмирующих

ситуаций не только с точки зрения их негативных аспектов, но и с точки зрения новой парадигмы, в основе которой лежит понятие посттравматического роста. Представители социально-когнитивного подхода рассматривают подобные изменения как результат пересмотра человеком системы базисных убеждений, разрушенных в результате травмы, за счет конструктивной когнитивной переработки, интеграции пережитого опыта и придания ему определенного смысла (Tedeschi, Calhoun, 2004; Janoff-Bulman, 2004). Отечественные исследователи также говорят о важности особой деятельности субъекта по порождению смысла, имеющей трансформационный характер (Магомед-Эминов, 2009).

Имеются исследования, посвященные непосредственно изучению трансформационных функций совладания (Aldwin, 1994; Schaefer, Moos, 1992), рассматривающие успешное использование копинг-стратегий для разрешения проблемной ситуации в качестве необходимого компонента для позитивных изменений в результате травмы.

По-прежнему открытым остается вопрос о наличии взаимосвязи между характеристиками посттравматического роста и совладающим поведением. Изучение данной проблемы осуществлялось на примере дорожно-транспортных происшествий как потенциально психотравмирующих событий, угрожающих жизни и здоровью индивида. ДТП является одним из наиболее часто встречающихся видов травматических событий, угрожающих жизни и здоровью человека и оказывающих психотравмирующее воздействие как на самих участников ДТП, так и на свидетелей аварии и родственников пострадавших. Важным также является то, что на данный момент наблюдается рост подобных чрезвычайных ситуаций. Так, в 2023 году на территории Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий пострадали 132 466 человек, что на 4,5%, больше, чем в 2022 году (Дорожно-транспортная аварийность..., 2024).

В исследовании приняли участие 34 респондента (24 участника женского пола, 10 — мужского пола) в возрасте от 20 до 40 лет, переживших потенциально опасное для жизни и здоровья дорожно-транспортное происшествие, которое не привело к каким-либо серьезным физическим увечьям и с которого на момент заполнения методик прошло от 6 месяцев до 5 лет.

Нами использовались следующие методики: для оценки показателей посттравматического роста использовался «Опросник посттравматического роста» (Tedeschi, Calhoun, 1996) в адаптации М. Ш. Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 2004); для изучения особенностей

копинг-поведения, выявления общего стиля совладания использовалась методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях», разработанная Н. Эндлером и Д. Паркером (1990), адаптированная Т.Л. Крюковой (Водопьянова, 2009); для оценки показателей антиципационной состоятельности была использована краткая версия «Теста антиципационной состоятельности» (Менделевич, 2003), разработанная Е.В. Агафоновой, А.С. Границей и Э.В. Макаричевой (Агафонова и др., 2023).

Обработка и анализ результатов исследования проводились поэтапно с использованием двух взаимодополняющих стратегий: поиска различий и корреляционного анализа.

На первом этапе был проведен сравнительный анализ двух групп, выделенных с помощью методики «Опросник посттравматического роста» из выборки, изначально состоящей из 34 человек. Из них были отобраны испытуемые с высокими и низкими показателями посттравматического роста:

1 группа — 11 человек с низким уровнем посттравматического роста;

2 группа — 8 человек с высоким уровнем посттравматического роста.

Поскольку объем выборки небольшой, что не позволяет обнаружить нормальность распределения, для выявления статистически значимой разницы между выделенными группами по показателям копинг-стратегий и антиципационных способностей, был выбран непараметрический критерий Манна–Уитни. Он показал, что между группами отсутствуют статистически значимые различия.

На втором этапе анализа результатов, исходя из цели исследования, был проведен детальный корреляционный анализ по всем исследованным параметрам для выявления взаимосвязей между показателями посттравматического роста и способами совладающего поведения. Для корреляционного анализа был использован непараметрический критерий — коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Были выявлены отрицательные взаимосвязи между показателем «духовных изменений» как области посттравматического роста и показателями личностно-ситуативной составляющей ($r=-0.344$; $p<0.05$) и общей антиципационной состоятельности ($r=-0.371$; $p<0.05$). Подобные результаты говорят о том, что при сильной выраженности прогностических способностей, умения видеть причинно-следственные связи у людей, переживших травматические события, не наблюдается склонности к духовным изменениям, связанным с повышением религиозности и духовности, что является вполне объяснимым, поскольку выраженность рационального, логического мышления зачастую не

предполагает обращения к сверхъестественным, магическим способам объяснения тех или иных ситуаций.

Помимо этого, была выявлена отрицательная взаимосвязь между показателем пространственной составляющей антиципационной состоятельности и показателем «отношение к другим» как области посттравматического роста ($r = -0.383$; $p < 0.05$). Для объяснения подобной связи обратимся к исследованию Н.Е. Суминой и Н.П. Ничипоренко (2007), которое показало, что пространственная антиципационная состоятельность связана с такими личностными характеристиками, как игнорирование общепринятых норм, уверенность в своей интересности, саморуководство, что может обуславливать отсутствие склонности у таких лиц к положительному изменению отношения к другим, повышению их ценности даже в результате переживания травмирующих ситуаций. Соответственно, чем сильнее выражены подобные особенности, тем меньше вероятность возникновения посттравматического роста в области «Отношение к другим».

Также значимым является то, что показатели посттравматического роста более не выявили никаких взаимосвязей с показателями совладающего поведения. Подобные результаты свидетельствуют о том, что процессы позитивных личностных изменений в результате травмы не имеют значимых линейных связей с копинг-стратегиями и антиципационной состоятельностью, что позволяет говорить о том, что гипотеза нашего исследования не подтвердилась.

Изначально нами предполагалось, что возможно выявление взаимосвязей между проблемно-ориентированным копингом и такими областями посттравматического роста, как «новые возможности» и «сила личности», поскольку, если исходить из модели обретения силы в страдании, разработанной Р. Янофф-Булман, успешное преодоление проблемной ситуации позволяет человеку раскрыть в себе неведомые до того силы и возможности, а также сформировать новые навыки, по-новому увидеть себя и других (Janoff-Bulman, 2004).

При этом не было однозначных предположений относительно связи посттравматического роста и антиципационной состоятельности, поскольку, с одной стороны, прогностические способности можно рассматривать в качестве фактора, препятствующего посттравматическому росту, поскольку развитость прогностических способностей предполагает возможность предвосхищения трудных жизненных ситуаций и формирования определенной готовности к их возникновению. То

есть прогностическая компетентность обеспечивает меньшую подверженность влиянию травматических переживаний, без которых, в свою очередь, невозможно и возникновение посттравматического роста. С другой стороны, если воздействие стрессора все же оказывается для человека травматическим, высокий уровень антиципационной состоятельности, предполагающий развитую способность к установлению причинно-следственных связей и прогнозированию дальнейших путей развертывания событий, напротив, может способствовать развитию посттравматического роста в различных областях.

Если все же возвращаться к тому факту, что наша гипотеза не получила подтверждения, то объяснить подобные результаты можно следующим образом.

1. С одной стороны, учитывая имеющиеся в науке эмпирические данные, свидетельствующие о том, что между показателями посттравматического роста и способами совладающего поведения имеются значимые связи, можно предположить, что данные феномены все же выявляют определенные взаимосвязи, однако в рамках нашей работы их выявление оказалось недоступным в связи со следующими особенностями проведения исследования:

1.1. в первую очередь можно предположить, что подобные результаты связаны с тем, что выборка, на которой проводилось исследование, в связи с небольшим количеством респондентов является нерепрезентативной, что обуславливает некорректность полученных результатов;

1.2. также недочетом в проведенной работе можно считать то, что мы опирались исключительно на объективные характеристики дорожно-транспортного происшествия как чрезвычайной ситуации, несущей угрозу жизни и здоровью ее участников, не уделив должного внимания субъективному фактору, связанному с тем, как сами участники ДТП оценивают степень травматичности произошедшей аварии.

2. С другой стороны, можно предположить, что между показателями посттравматического роста и способами совладающего поведения действительно отсутствуют значимые линейные связи, однако не стоит исключать тот факт, что между ними могут наблюдаться более сложные — нелинейные или опосредованные — связи.

2.1. Так, можно предположить, что между данными феноменами имеются нелинейные связи, поскольку возникновение позитивных посттравматических изменений может быть связано с необходимостью умеренной выраженности способов совладающего поведения, поскольку

ку при их высокой или низкой выраженности рост может быть невозможен. В случае с высоко выраженными показателями совладающего поведения отсутствие роста может быть обусловлено неподверженностью человека влиянию психотравмирующей ситуации, а в случае с низко выраженными показателями — большей склонностью к негативному исходу столкновения с травматическим стрессом, выражающемуся в посттравматическом стрессовом расстройстве и (или) других нарушениях психической деятельности.

2.2. Также можно предположить, что способы совладающего поведения действительно не выявляют непосредственной взаимосвязи с показателями посттравматического роста, но при этом их можно рассматривать в качестве фактора, важного для создания условий, в которых возможна эффективная переработка травматического опыта и восстановление разрушенных в результате травмы убеждений.

3. Если все же придерживаться точки зрения о том, что посттравматический рост не выявляет каких-либо статистически значимых связей со способами совладающего поведения, важным является дальнейшее изучение факторов, которые могут иметь подобные связи. В частности, исходя из анализа литературы и имеющихся эмпирических данных, можно предположить, что фокус внимания должен быть направлен на исследование индивидуально-личностных факторов, социально-психологических факторов, а также особенностей характера травмы.

Выводы

1. Между отдельными областями посттравматического роста («отношение к другим»; «духовные изменения») и составляющими антиципационной состоятельности («пространственная антиципационная состоятельность»; «общая антиципационная состоятельность») выявляются отрицательные взаимосвязи, что может говорить о том, что некоторые проявления посттравматического роста возможны только при низких значениях прогностических способностей.

2. Статистически значимые взаимосвязи между показателями посттравматического роста и способами совладающего поведения в рамках нашего исследования выявлены не были.

Литература

Агафонова Е. В., Граница А. С., Макаричева Э. В. Разработка краткой версии теста антиципационной состоятельности // Неврологический вестник. 2023. Т. LV. № 3. С. 21–30.

- Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024.
- Водопьянова Н. Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.
- Магомед-Эминов М. Ш.* Феномен посттравматического роста М., 2004.
- Магомед-Эминов М. Ш.* Феномен посттравматического роста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 111–117.
- Ничипоренко Н. П., Сумина Н. Е.* Взаимосвязь антиципационной состоятельности с личностными свойствами // Российский психологический журнал. Т. 4. № 4. 2007. С. 22–29.
- Aldwin C.* Stress, coping and development: An integrative perspective. New York: Guilford Press, 1994.
- Janoff-Bulman R.* Posttraumatic growth: Three explanatory models // Psychological Inquiry. 2004. V. 15. № 1. P. 30–34.
- Schaefer J. A., Moos R. H.* Life crises and personal growth // B. N. Carpenter (Ed.). Personal coping: Theory, research, and application. 1992. P. 149–170.
- Tedeschi R. G., Calhoun L. G.* Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence // Psychological Inquiry. 2004. V. 15. № 1. P. 1–18.

Перспективы исследования личностного потенциала устойчивости к боевому стрессу

*А. Г. Ахметшина***, И. Р. Абитов***

*«Психологическая клиника» КФУ, Казань, Россия

**Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Россия

89655895974@yandex.ru

ildar-abitov@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с личностным потенциалом устойчивости военнослужащих к боевому стрессу в условиях современных военных конфликтов. Ключевым аспектом успешной адаптации к боевому стрессу и интеграции в мирную жизнь является высокая степень личностной устойчивости, которая помогает